

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ ХРИСТИАН**

Непрестанно молитесь

Согласно апостолу Павлу, каждый христианин призван стать *εὐχάριστος* (Кол.3,15) - человеком, совершающим благодарение. Тем самым вся христианская жизнь по сути - это Литургия, приношение Богу всего себя. Именно поэтому апостол говорит, что верующий может и должен «непрестанно молиться» (1Фес.5,17), молиться «ночью и днем» (1Фес.3,10), «всегда» (2Фес.1,11). Эти слова были обращены к обычным людям, жившим в семьях, ежедневно ходившим на работу, воспитывавшим детей. Как же отвечали на этот призыв верующие древней Церкви?

СЕМЬЯ КАК ЦЕРКОВЬ

Несмотря на существенные культурные различия между иудейской и греко-римской средой, в которых распространялось молодое христианство, семья была не только общественным, но и религиозным институтом. Новорожденный ребенок становился не только новым членом социума, но в семейных рамках он вступал и в религиозное сообщество своего народа (обрезание восьмидневного ребенка в иудаизме, обнесение новорожденного вокруг священного домашнего очага в Греции). В семье совершались и многие другие религиозные обряды: празднование совершеннолетия, вступление в брак, проводы умерших родственников. Отец семейства (*οἰκοδεσπότης*, *paterfamilias*) обладал неограниченным авторитетом, в том числе и религиозным; поэтому чаще всего все члены семьи исповедовали одну и ту же веру, иногда «*всем домом*» меняя ее вместе со своим главой (напр., Деян.10,6; 16, 33). Читая новозаветное описание качеств епископа и диакона (1Тим.3,1-13; Тит.1,7-9), мы видим традиционный идеал главы семьи («одной жены муж», «хорошо управляющий домом своим», «детей содержащий в послушании со всякою честностью»). Именно то,

как он проявляет себя в семье, свидетельствует о его способности пасти Церковь: «ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?»

ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ ДОМ

Неудивительно, что именно христианская семья - «малая Церковь», по выражению святого Иоанна Златоуста, - была тем местом, где ежедневно возрастала и углублялась христианская жизнь, в том числе ее главная аскетическая составляющая - молитва. И это вполне понятно, ведь верующие собирались на совместное богослужение только по воскресным дням, а все остальное время они реализовывали евангельские заповеди в своей повседневной жизни, прежде всего в своих семьях. Очевидно, что между семейной и церковной общиной, между богослужением малой и большой Церкви возникала тесная связь.

Центр богослужebной жизни Церкви - это Евхаристия, и уже с самых ранних времен она была тесно связана с жизнью христианского дома и семьи. Действительно, Священное Писание сравнивает отношения Христа и Церкви с отношениями мужа и жены: та Жертва, которую Христос принес за грехи мира и которая актуализируется во время

каждой Божественной литургии, согласно апостолу Павлу (Еф.5,25), дает супругам высочайший пример ежедневной жертвенности. Пусть в первые века христианства мы не найдем ярко выраженного богословия связи между литургической и семейной жизнью, но свидетельства той эпохи ясно показывают, что неявно она присутствовала в церковном сознании.

Из книги Деяний мы знаем, что раннехристианская Евхаристия изначально совершалась по домам. Слова *«каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца»* (Деян.2,46) своим параллелизмом свидетельствуют, что ветхозаветное храмовое и домашнее христианское богослужение противопоставляются и взаимно дополняют друг друга. Тем самым Литургия изначально оказывалась инкорпорированной в жизнь дома, который, благодаря этому, приобретал евхаристическое измерение.

КОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛО ХРАМОВ

Дома, о которых говорится в книге Деяний, были домами с «горницей» (ὑπερῶν, coenaculum), то есть трапезным залом, который мог вместить собрание общины. Именно в такой горнице происходило евхаристическое собрание в Троаде (*«в горнице, где мы собрались»* Деян.20,8), и апостол Павел неоднократно упоминает в своих посланиях *«домашние церкви»* - очевидно, дома, в которых собирались на богослужение члены общины (Рим.16, 4; 1Кор.16,19; Кол.4,15; Флм.1,2).

Позже, в связи с быстрым распространением христианства и количественным ростом общин, потребовались более просторные площади. Христиане, имевшие определенный достаток, начали предоставлять необходимые помещения в распоряжение богослужбной общины. Дом богатой римской семьи обычно имел их несколько. Прежде всего, это был atrium - внутренний двор, через который проходили, входя в дом. Он обычно был крытым, а в его центре находилось отверстие, через которое дождевая вода собиралась в небольшой бассейн - impluvium, представлявший собой идеальное место для совершения крещения. При входе в дом находился tablinum - небольшой зал, открытый в сторону атриума и служивший залом

для приемов и заключения договоров, в нем же язычники поклонялись семейным божествам. Поэтому при совершении богослужения в атриуме могло поместиться большое количество народа; клирики же находились в таблинуме, который прекрасно выполнял функции сегодняшнего алтаря (христианская «святая святых» дома, если убрать из нее идолов).

Археологи установили, что значительное число древних римских храмов до сих пор носит имена тех, у кого на этом месте был жилой дом, в котором собирались на Евхаристию христианские общины. Знаменитые римские храмы Сан Клементе, Санта Цецилия, Санта Пуденциана сохранили память о тех мужчинах и женщинах, которые в буквальном смысле слова сделали свой дом домом молитвы - не только своей собственной, семейной, но и общины верующих. Часто владельцы домов платили за подобное гостеприимство дорогой ценой - своей жизнью, поскольку христианские богослужебные собрания нарушали тогдашнее императорское законодательство. Но и становясь мучениками, они тем самым еще раз свидетельствовали о неразрывности богослужебной жизни «большой» и «малой» Церкви.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Такая практика «домашней» Евхаристии продолжала сохраняться довольно долго и после того, как у христиан появились свои храмы: святой Григорий Богослов († ок. 390 г. по Р. Х.) говорит о совершении Евхаристии в доме своей сестры, блаженный Августин († 430 г. по Р. Х.) упоминает священника, который по приглашению богатого мирянина совершает Литургию у него дома и т. д. На протяжении всей последующей церковной истории мы неоднократно будем встречать домашние храмы или часовни - остатки древней практики «церковно-домашнего» богослужения в изменившихся условиях.

Христианская семья была связана с Евхаристией и другим способом - через ежедневное причащение всех ее членов. Желание причащаться ежедневно или, по крайней мере, чаще, чем совершалась еженедельная Литургия, привело уже во II в. к обычаю брать домой Тело Христово. Им причаща-

лись перед принятием пищи утром или прекращали пост среды и пятницы, длившийся до трех часов пополудни (и, в отличие от нашей сегодняшней практики, состоявший в полном воздержании от всякой пищи).

Древнехристианский памятник Апостольское Предание (ок. 215 г. по Р. Х.) обращается к верующим: «Каждый христианин пусть поспешит, прежде чем вкусит что-нибудь, принять Евхаристию». Североафриканский автор Тертуллиан († после 220 г. по Р. Х.) в своем труде «К жене» живописно рисует христианке, которая хочет выйти замуж за язычника, связанные со смешанным браком проблемы: «Неужели муж не заметит, что ты тайком съедаешь нечто перед приемом пищи? А когда он узнает, что это всего лишь хлеб, то что он в своем невежестве подумает о тебе? Не будет ли он жаловаться на подобные тайны и даже подозревать тебя в попытке его отравить?» Многие святые отцы толковали слова Молитвы Господней «хлеб наш насущный даждь нам днесь» именно евхаристически:

как просьбу о ежедневном причащении, поскольку греческий термин ἐπιπόσιος можно перевести не только как «насущенный», «ежедневный», но и как «надсущностный», превосходящий рамки нашего земного мира.

Пройдет несколько столетий, и ввиду увеличения частоты служения Литургии, злоупотреблений, связанных с хранением дома Святых Даров и в связи с общим снижением частоты причащения постепенно (с V в. - на Западе, с VI в. - на Востоке) домашнее причащение начнет исчезать, более того, возникнет запрет на совершение Евхаристии по домам. Однако интересно, что эта «семейная» евхаристическая практика будет перенята монашеством: в житиях мы неоднократно читаем, что отшельники принимали участие в воскресной Литургии близлежащего храма и приносили оттуда Святые Дары в свои кельи, чтобы причащаться ими в течение недели.

(Начало. Продолжение – в следующем номере)

Протоиерей Владимир Хулап

О суевериях и предрассудках

По сути человек, наполняющий свою жизнь суевериями и страхами, подчиняет себя добровольно мнимым и придуманным им же самим причинно-следственным связям, при этом связям слепым и неразумным. Он делает свою жизнь подобной жизни животных, которые всецело детерминированы, т.е. определены окружающей их реальностью, природной жизнью.

Каков механизм возникновения суеверий? Почему жизнь человека, обладающего свободой, творческой энергией, т.е. способностью начинать новый причинно-следственный ряд, не происходящий из прежних условий и обстоятельств, оказывается вдруг связанной и как будто на прямую зависящей от множества мелких и ничтожных по своей сути случаев его жизни? (Напр., черная кошка, разбитое зеркало, просыпанная соль и мн. др.) Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать следующее. Во-первых, человек, хотя и обладает разумом и свободой, чем собственно и обнаруживает в себе образ Божественного, т.е. высшего по отношению к миру образа бытия, всецело реальностью не обладает. Он есть бытие условное, не

имеющее причину и источник существования в самом себе, а потому и зависящее от внешних условий и обстоятельств, ограниченное наличием бытия, которое ему не подвластно и которое может оказывать негативное воздействие на его жизнь.

А во-вторых, человеку свойственно стремление избегать страданий, стремиться к счастью, т.е. к максимально комфортному состоянию своего бытия как на физическом, материальном уровне, так и на уровне психологическом, духовном. Но жизнь человека в целом это череда перемен, с одной стороны, требуемого всем его существом счастливого состояния, а с другой, страданий. Причем последние по своей интенсивности и продолжительности гораздо сильнее перво-

го.

И вот, анализируя реальность, разум человека пытается определить источник и причину нежелательного для себя. Но, омраченный грехом и одержимый страстями, он зачастую совершает ошибку, примитивно и просто объясняя свою жизнь, увязывая ее с теми или иными происшествиями в реальности никак не связанными с действительными основаниями своего бытия. По сути человек, наполняющий свою жизнь суевериями и страхами, подчиняет себя добровольно мнимым и придуманным им же самим причинно-следственным связям, при этом связям слепым и неразумным. Он делает свою жизнь подобной жизни животных, которые всецело детерминированы, т.е. определены окружающей их реальностью, природной жизнью. Вместо того, чтобы признавать бытие Бога, Который есть совершеннейшая, всемогущая, всеведущая, всеблагая Личность, Который является источником существования человека, неизменно любящим и промышляющим о нем; вместо того, чтобы признавать самого себя образом этого всесовершенного бытия, имеющим великие цели и задачи для своей жизни, которые состоят в достижении бесконечного совершенства через непосредственное приобщение к Божественной реальности, человек предпочитает в лучшем случае жизнь млекопитающего, тщательно заботящегося о сохранении своего настоящего состояния.

Между тем, такая жизнь для человека есть самообман и логическое противоречие. И возникает вопрос: в чем же причина такого стремления человека к парадоксальному и иллюзорному существованию? Почему человек в своей жизни так уродует и извращает присущее ему стремление к совершеннейшему бытию? Главная причина, на наш взгляд, заключается в гордыни человека, которая есть жажда самодостаточного бытия, бытия без Бога, которая есть эгоистическое утверждение самого себя по отношению к окружающему миру, стремление все подчинить себе для обеспечения своего бытия. Иллюзия такой жизни заключается в том, что как бы человек ни пытался обеспечить свое комфортное существование, реальность так и остается ему неподвластной до конца, по-

тому что итогом жизни человека является смерть, часто внезапная и в лучшем случае как медленное, но непреодолимое угасание жизни.

Единственным способом преодоления смерти, изменчивости своего существования, для человека является приобщение к тому, что неизменно, что есть всегда и не может не быть. И такая жизнь есть Бог. Поэтому человек в своей жизни должен познать самого себя, действительный характер своего бытия, а не уничтожать и не обременять пугливо свою жизнь всевозможными приметам, слухами и домыслами. Как ни странно, суеверия и страхи способны наполнять и жизнь церковного человека. Для нас часто церковная жизнь сводится к тщательному, скрупулезному исполнению обрядовых предписаний, когда затмевается живая религиозная вера. Если обряд становится альфой и омегой жизни во Христе, то неминуемо происходит искажение этой жизни, так как подлинное содержание ее так и остается невоспринятым (достаточно вспомнить события раскола в Русской церкви).

Так стоит ли обманчиво пытаться руководить тем, что неподвластно тебе изначально? Не проще ли доверить свою жизнь Богу, впустить Его в свою жизнь, сделать Его частью своего бытия и этим приобрести подлинные основания своего существования?

Не правильнее ли и разумнее будет сказать себе, что никаких примет и вовсе не существует, а есть Промысел Божий о человеке и свободная воля самого человека, способная быть или доброй, или злой?

Поэтому необходимо устремиться к живому и реальному соединению с Богом, Который как Абсолютный, только и есть единственный источник и основание всякого бытия. В этом заключается подлинный и глубочайший смысл религии и бытия Церкви Христовой, которая через свои таинства предлагает человеку всё необходимое для достижения цели смысла его существования.

Священник Дмитрий Лушников